

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

DOI 10.24411/1813-145X-2019-10421
УДК 159.9

В. А. Мазилев <https://orcid.org/0000-0001-9968-7153>

Кризис психологии: новое понимание и трактовка

Работа выполнена в соответствии с государственным заданием № 25.8407.2017/8.9

Статья посвящена анализу и обсуждению классической проблемы методологии психологической науки. С 70-х гг. XIX столетия, с тех пор как психология устами Вильгельма Вундта заявила о самостоятельности и научности, постоянно высказываются мнения, что в психологии кризис. Первым был Ф. Brentano (1874 г.). Новизна подхода, реализуемого в настоящей статье, заключается в том, что подвергается анализу содержание самого термина «кризис», выясняется значение, в котором он используется. Анализируя метафору кризиса, автор приходит к выводу, что кризис может пониматься и реально понимается как различающиеся варианты этой метафоры. Показана роль работ В. И. Ленина и Л. С. Выготского, предложивших определенную трактовку кризиса («акушерскую»).

На основании материалов, приведенных в статье, можно сделать вывод о внутреннем, глубинном, неблагополучии современной психологии, что и интерпретируется традиционно как кризис. Как становится ясно из приведенного материала, центральным звеном в этом «клубке» нерешенных современной психологией методологических вопросов является проблема предмета психологической науки. Это «главное звено в цепи событий», и начинать работу по разрешению кризиса психологии стоит именно с него. В настоящей статье показано, что возможно использование устоявшегося термина «кризис» применительно к психологии в другом значении этого греческого слова – юридическом. Вслед за философом Джорджо Аганбеном мы полагаем, что возможно использование другого значения слова кризис – «суд». Применительно к нашему разговору это означает «суд над психологией». Утверждается уровневый характер кризиса, выделяются три уровня. Первый уровень – поверхностный – отражает закономерности любого развития, включающего в себя, как хорошо известно, и литические и критические этапы. Второй – мезоуровень – касается «основных парадигм». Третий уровень – самый глубокий – связан с ограниченным пониманием самого предмета психологии.

Ключевые слова: психология, наука, кризис, предмет науки, уровни кризиса, психологическое сообщество.

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, PSYCHOLOGY HISTORY

V. A. Mazilov

Crisis of Psychology: New Understanding and Rendering

The article is devoted to the analysis and discussion of a classical problem in psychological science methodology. From 70-s of the XIX century since the psychology declared independence and scientific character by Wilhelm Wundt's lips, opinions are constantly expressed that there is a crisis in psychology. F. Brentano (1874) was the first. The novelty of the approach realized in the present article is that the content of the term «crisis» is exposed to the analysis, the meaning in what it is used is investigated. Analyzing a crisis metaphor, the author comes to the conclusion that the crisis can be understood and really is understood as differing options of this metaphor. Here is shown the role of V. I. Lenin and L. S. Vygotsky's works who offered a certain interpretation of the crisis («obstetric»).

On the basis of the materials given in the article it is possible to draw a conclusion on internal, deep, trouble of modern psychology, as it is traditionally interpreted as a crisis. It becomes clear from the given material, the central link in this «ball» of unresolved methodological questions of modern psychology is the problem of a psychological science subject. It is «the main link in a chain of events», and it is worth beginning work on resolution of the psychology crisis with it. In the present article it is shown that the use of the long-held term «crisis» in relation to psychology is possible in another meaning of this Greek word – legal. Following the philosopher Giorgio Aganben we believe that it is possible to use another meaning of the word crisis – «court». In relation to our conversation it means «trial of psychology». The-level nature of the crisis is approved, three levels are allocated. The first level – superficial – reflects regularities of any development including as it is well known, both lytic and critical stages. The second – mesolevel – concerns «the main paradigms». The third level – the deepest – is connected with limited understanding of the psychology subject.

Keywords: psychology, science, crisis, object of science, crisis levels, psychological community.

Большая часть из нас одиноко, подобно кротам, копают в собственных норах и опасаются недоброй встречи, прикасаясь к «подземным ходам» других. В науке самого высокого и универсального интереса каждый упорно говорит своим языком, следует только собственной терминологии; короче, силится прежде всего стать оригинальным между другими, вместо того, чтобы искать общего и связующего.

И. Фихте-младший, 1847

Нет такого кризиса, на который ученый мир не ответил бы семинаром...

Пол Сэмюэлсон

По нашему глубокому убеждению, у науки психологии светлое и прекрасное будущее, что полностью соответствует оценкам многих выдающихся ученых. Не подлежит никакому сомнению, что психология – это фундаментальная наука. Для того чтобы сделанные в разное время прогнозы о перспективах психологической науки оправдались, должны быть выполнены некоторые условия. Хорошо известно, что психологическая наука накопила значительное количество самого разнообразного материала. Это и теории, и концепции разного уровня, материалы многочисленных теоретических и эмпирических исследований, обобщения и гипотезы, технологии и методики исследования, методы обработки и интерпретации полученных данных. Реальное богатство материалов, которым располагает психология, зачастую не полностью осознается представителями научного сообщества. Происходит это потому, что массив накопленных данных воспринимается представителями психологического сообщества как недостаточно упорядоченный, соотнесенный между собой, категоризованный. Можно думать, что в психологии до сих пор выполнено недостаточно обобщающих работ, в которых было бы показано сходство значительного числа проведенных исследований, выделено и обозначено общее, объединяющее разные подходы. Короче говоря, в современной психологии недостаточно представлен необходимый методологический анализ накопленных знаний, что выступает существенным препятствием на пути интеграции в психологии.

Первые строки аристотелевского трактата, написанные в 322 г. до н. э., по-прежнему звучат актуально: «Признавая познание делом прекрасным и достойным, но ставя одно знание выше другого либо по степени совершенства, либо потому, что оно знание о более возвышенном и удивительном, было бы правильно по той и другой причине отвести исследованию о душе одно из первых мест. Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы» [3, с. 371].

В качестве введения в проблему приведем высказывание, которое представляется весьма показательным. Честно говоря, автор настоящих строк собирался писать на совсем другую тему. Но высказывание коллеги, прочтенное в интернете, заставило внепланово обратиться именно к этой проблеме. «Пока методологи дискутируют о кризисе психологии в терминах прошлого века, разразился настоящий, очевидный кризис, рискующий подорвать доверие к основным открытиям психологической науки. Примеры множатся день ото дня». Это высказывание, как уже было сказано, представляется показательным. Настоящую статью можно рассматривать как развернутый ответ: статья имеет целью показать, что дискуссии о проблеме кризиса актуальны и это важнейший вопрос методологии. А вопросы, кажущиеся автору приведенной цитаты «настоящим кризисом», порождены как раз нерешенностью основных методологических вопросов.

Для начала выясним, что имеется в виду, какие «примеры множатся». Многие эксперименты, которые считались классическими в психологии, на которые ссылались и к результатам которых апеллировали, при попытке их воспроизвести не дают результатов, полученных ранее. Иными словами, воспроизводимость результатов экспериментов в психологии сильно оставляет желать лучшего. Опять же АРА регулярно эти вопросы обсуждает... Феномен известный. Обратим внимание, что здесь «под вопросом» оказываются лучшие, можно сказать, знаковые психологические исследования. Масла в огонь подливают высказывания известных специалистов, что, оказывается, само классическое исследование было организовано не безупречно.

Вначале скажем про эксперименты и воспроизводимость. Как мы полагаем, чем известнее эксперимент (то есть чем более он известен широким массам – популярная литература, фильмы, передачи – и, тем самым, потенциальным испытуемым), тем меньше надежд на хорошую воспроизводимость результатов. Потом полезно учитывать, что оценка знаковых психологических исследований далеко не объективна. Как нам представляется, очень точно эту ситуацию описал канадский психолог П. Н. Иванов: «...западные идеологи решили, что исследования, намекающие на, порой, не самые “возвышенные” проявления человеческой сущности, следует считать политически некорректными. Психологи тут же послушно признали “неэтичными” классические Йельский эксперимент Милгрэма и Стэнфордский эксперимент Зимбардо. И записали в своих регуляциях запрет на дезинформирование испытуемых о целях экспериментов. Теперь этические нормы в Канаде учат, что психолог “...не должен допускать «неполного информирования» или

даже временно позволить испытуемому подумать, что исследование, или его часть, имеет цель отличную от формально задекларированной...” (Принцип № III. 23) [26]. Американский Этический Кодекс Психологов требует того же (секция 8.07 Deserptionin Research) [28]. Влиятельный американский журнал “Нью-Йоркер” откровенно рассказал читающей публике о том, как, казалось бы, научное понятие “аутизм” менялось под влиянием “общественного мнения” – требований пациентов, жалоб инициативных групп, давления юристов, и пр. [27]» [10, с. 21].

Происходит это, как нам представляется, по причине недостаточного высокого статуса психологии в общественном сознании. Приведем пример. Настоящее психологии не впечатляет. Не случайно не стихают разговоры про схизис, кризис, другие проявления неблагополучия в этой науке. Пока – по выражению известного английского нейрофизиолога Криса Фрита – психология находится «внизу». Дадим ему слово: «Как у всякого другого племени, у ученых есть своя иерархия. Место психологов в этой иерархии – в самом низу» [23, с. 17]. Оставим эту оценку на совести видного представителя нейронауки, обратимся к анализу симптомов неблагополучия.

Помехой для повышения статуса является как раз кризис в психологии, о котором в этой статье и пойдет речь. Забегая вперед, скажем, что в основе не слишком лучезарного нынешнего положения психологии похоже, все же находится кризис, начало которого можно увидеть еще в позапрошлом веке. И тогда окажется, что все взаимосвязано: и методология, и результаты экспериментов и их воспроизводимость.

Вернемся к методологическому кризису психологии. В вышеприведенной цитате, которая спровоцировала появление настоящей статьи, есть еще один существенный мотив. В высказывании содержится упрек ретроград-методологам, которые «толкут воду в ступе», рассуждая про кризисы, но ищут их не там, да еще и архаическую лексику используют.

Впрочем, про методологов и методологию разговор впереди.

Итак, повторим: то, что связано с методологическим кризисом, сегодня наиболее актуально и стратегически важно.

Когда возник кризис? Сама научная психология была провозглашена Вундтом в 1874 г., когда полностью опубликован его труд, обосновавший «новую область в науке» [30]. Придется признать удивительный факт: даты появления кризиса и рождения научной психологии совпадают. В том же 1874 г. другой видный психолог, профессор Венского университета Франц Brentano писал в «Психологии с эмпирической точки зрения»: «Не столько в разнообразии и широте мнений,

сколько в единстве убеждений испытывает сегодня психология острую нужду. И здесь мы должны стремиться приобрести то же, чего – одни раньше, другие позже – уже достигли математика, физика, химия, физиология; нам нужно ядро признанной всеми истины, которое в процессе взаимодействия многих сил затем быстро обрасстает новыми кристаллами. На место психологий мы обязаны поставить психологию» [4, с. 11]. Отсутствие единства и есть главный симптом кризиса. Получается, что психологий много, но нет единой психологии. Таким образом, можно говорить о кризисе, сопровождавшем само рождение научной психологии.

«Греческое слово “кризис” (krisis – поворотный пункт, решение, исход), как известно, означает “тяжелое переходное состояние какого-либо процесса”, “резкий, крутой перелом”. Иными словами, кризис – термин оптимистический: имплицитно представляется, вот пройдет кризис и все будет по-новому, все будет лучше. Поэтому любовь к термину “кризис” означает всего лишь выраженную неудовлетворенность психологов нынешним состоянием своей прекрасной науки и стойкую надежду на перемены к лучшему в самом ближайшем будущем. А нетерпение – вполне извинительное состояние, возникающее при избыточной мотивации» [4, с. 11].

Н. Н. Ланге использовал термин кризис в значении «резкий, крутой перелом». В своей работе он говорит, что психология делает крутой резкий поворот (от ассоциативной психологии).

Поскольку работа Н. Н. Ланге имела большой резонанс, остановимся на ней более подробно. «Кто знаком с современной психологической литературой, с ее направлениями и тенденциями, особенно в отношении принципиальных вопросов, не может, я думаю, сомневаться, что наша наука переживает ныне тяжелый, но крайне плодотворный кризис. Этот кризис, или поворот (начало которого можно отнести еще к 70-м гг. прошлого столетия (19-го. – В. М.), характеризуется, вообще говоря, двумя чертами: во-первых, общей неудовлетворенностью той прежней доктриной или системой, которая может быть названа вообще ассоциативной и сенсуалистической психологией, и, во-вторых, появлением значительного числа новых попыток углубить смысл психологических исследований, причем обнаружилось, однако, огромное расхождение взглядов разных психологических направлений или школ» [11, с. 69].

Отметим также, что Н. Н. Ланге создал метафору, которая до сих пор используется очень широко и активно. Приам, сидящий на развалинах Трои.

Не будем полемизировать с позицией Н. Н. Ланге. Отметим, что не было единства во времена широкого распространения ассоциационизма, как и не было При-

ама, сидящего на развалинах. Иными словами, не было у психологии в прошлом Золотого века, и Приам не сидел на развалинах, ибо был убит Неоптолемом, согласно Вергилию, в алтаре храма Зевса до того, как Троя была разрушена...

Обычно в работах, посвященных методологическому кризису, предпринимается подробный обзор мнений по поводу кризиса. Мы не будем в рамках настоящей статьи приводить этот материал, так как это привело бы к резкому увеличению объема статьи. Интересующихся отошлем к нашим публикациям, где такого рода историко-методологический анализ проведен [18, 19-21].

Здесь же обратим внимание лишь на некоторые моменты.

Вероятно, никогда не было столько публикаций по проблеме кризиса, как в 20-е гг. XX столетия. Про кризис психологии писали М. Я. Басов, П. П. Блонский, Л. С. Выготский, В. А. Вагнер, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев и многие другие. Список заведомо и далеко не полон. Стоит отметить, что каждый из авторов имел свой особый взгляд на кризис, его причины, течение, пути и способы разрешения. Ситуация была динамичной, многими авторами были высказаны различные версии. Многим авторам принадлежит несколько диагнозов, сделанных в разное время. В этом отношении, можно полагать, очень многое зависело от склонности психолога к методологическому анализу. У более склонных таких различных диагнозов было несколько. К примеру, можно говорить о четырех версиях кризиса и его ближайших причинах в работах Л. С. Выготского (1925, 1927, 1931, 1934). Чаще всего, цитируется самый известный его диагноз из «Исторического смысла психологического кризиса», но и другие никто не «отменял». У А. Р. Лурии, сподвижника «моцарта психологии» и в значительной степени продолжателя его дела, тоже по меньшей мере четыре диагноза кризиса (1925-1932) и др. Налицо удивительное многообразие методологических поисков и их «разнонаправленность». В двадцатые годы сложилась ситуация, которая способствовала разработке методологических проблем. Искреннее желание создать новую науку, известный энтузиазм 20-х гг. ... Несомненный факт кризисного состояния психологии в 1920-е гг. заставил психологов многократно анализировать его причины, источники и движущие силы. Психологи пытались выявить факторы, осложняющие его течение в российских, советских условиях. Все это стимулировало интерес к выявлению оснований психологии. Острое ощущение необходимости построения новой психологии (все авторы, писавшие о кризисе, были удивительно единодушны в одном – они утверждали, что новая психология еще только должна родиться, пытались вычислить

или угадать наиболее характерные черты новой психологии) способствовало формированию представления о том, что могут быть выявлены и описаны закономерности формирования психологической теории. Разумеется, попытки обнаружить причины кризиса в мировой психологии предпринимались и зарубежными авторами, среди которых стоит назвать К. Бюлера (1927), К. Левина (1931) и др. (В рамках настоящей публикации нет возможности рассмотреть данный вопрос, поэтому отсылаем читателя к подробному анализу различных диагнозов кризиса, поставленных в 1920-1970-е гг. [18, 20, 16].)

Выскажем следующее соображение. Дополнительным фактором (к общей атмосфере обновления и творческого поиска, что было характерно не только для психологии, не только для науки, но и для культуры в целом) явилось желание «вписаться» в перемены, так сказать «живя и большевая»... В двадцатые годы в советской России, а затем в СССР было важно использовать любую возможность доказать и показать, что автор находится на марксистских или марксистско-ленинских позициях. Обратим внимание, что у В. И. Ленина имелся опыт анализа кризиса в современной физике. Речь идет о работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1908) [13].

«Суть кризиса современной физики состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, то есть в замене материализма идеализмом и агностицизмом. “Материя исчезла”, – так можно выразить основное и типичное по отношению ко многим частным вопросам затруднение, создавшее этот кризис» [13, с. 272-273].

«Если теория физики становится все более и более натуральной, то, значит, независимо от нашего сознания существует “натура”, реальность, “отражаемая” этой теорией, – именно таков взгляд диалектического материализма» [13, с. 272-273].

«Одним словом, сегодняшний “физический” идеализм точно так же, как вчерашний “физиологический” идеализм, означает только то, что одна школа естествоиспытателей в одной отрасли естествознания скатилась к реакционной философии, не сумев прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму. Этот шаг делает и сделает современная физика, но она идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей “конечной цели”, а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом. Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм. Роды болезненные. Кроме живого и жизнеспособного существа, они

дают неизбежно некоторые мертвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещение для нечистот. К числу этих отбросов относится весь физический идеализм, вся эмпириокритическая философия вместе с эмпириосимволизмом, эмпириомонизмом и пр. и т. п.» [13, с. 331-332]. Приношу извинения за цитируемый избыточный натурализм, созданный пером классика марксизма-ленинизма. Он и в пору написания этого труда особенно в выражениях не стеснялся.

Таким образом, был создан биологически-ориентированный, точнее акушерский, образ кризиса и его разрешения. Не будем обсуждать здесь точность этой метафоры.

Обратим внимание, что сходные мотивы можем найти у классика психологии Л. С. Выготского в его «Историческом смысле психологического кризиса» (1927 г., опублик. в 1982 г.) [5]. Сами формулировки смысла кризиса, данные Л. С. Выготским, хорошо известны, не будем здесь их приводить. Отметим, что в этой работе Л. С. Выготский использует аналогичную метафору. Классик психологии пишет: «Самый факт, что теоретическая психология, а после другие дисциплины выступали в роли общей науки, обусловлен, с одной стороны, отсутствием общей психологии, а с другой – сильной потребностью в ней и необходимостью временно выполнять ее функции, чтобы сделать возможным научное исследование. Психология беременна общей дисциплиной, но еще не родила ее» [5, с. 297].

Остановимся на этой метафоре чуть подробнее, тем более, что она получила очень широкое распространение. В своей работе «Исторический смысл», которую мы только что вспоминали, содержится замечательное утверждение: все слова психологии суть метафоры, взятые из пространств мира [5]. Это относится, обратим внимание, не только к терминам, обозначающим собственно психические явления, но и к вспомогательным терминам, характеризующим способы изучения, условия исследования и т. д. Везде метафоры.

Вернемся к акушерской метафоре. Она конкретна и понятна. Обратим внимание на тот момент, что она ориентирует на скорое получение результата. Этот результат будет в обозримом будущем, когда появится новое. Это очень хорошо соответствует революционному нетерпению – получить все и быстро («Беременная – это временно»).

В том случае, если такая метафора применяется к другому процессу, который протекает медленнее, требует создания специальных условий и т. д., возможны недопонимания и сложные ситуации. Собственно говоря, это один из частных случаев, когда мы имеем дело с созданием моделирующих представлений, позволяющих нам понимать сложные процессы и явления [16].

Метафора кризиса в ее биологической или, если угодно, акушерской трактовке, как нам представляется, может вводить в заблуждения. История психологии свидетельствует, что очень важно найти именно *адекватные* моделирующие представления, точно отображающие существенные свойства моделируемого.

В заключительной части настоящей статьи будет предложена альтернативная трактовка понятия кризис, основанная на другом значении этого древнегреческого слова.

Поскольку мы не обсуждаем здесь историю содержательных трактовок кризиса, выдвинутых различными авторами от Ф. Brentano (1874) до наших дней, различных смыслов кризиса и рецептов выхода из него [17-21], предложим в рамках настоящего текста лишь наше видение проблемы.

По нашему мнению, кризис возник в середине XIX столетия и по времени совпал с началом зарождения научной психологии как самостоятельной науки. Провозглашение предметом физиологической психологии непосредственного опыта (в вундтовском варианте научной психологии был реализован проект, соответствующий представлениям о естественной науке И. Канта) повлекло за собой отказ от понятия души как предмета психологии. В работах немецкого психолога М. Дробиша психология впервые становится эмпирической дисциплиной. Здесь необходимо пояснение. Дело в том, что в XVIII в., к примеру, Христиан Вольф говорит об эмпирической психологии, но это чисто философская психология, основанная на рассуждении. Эмпирического там только то, что результаты рассуждений сравниваются с данными опыта, так сказать проходят проверку на соответствие жизни. Мориц Дробиш (1802-1896), который в 1842 г. в «Эмпирической психологии» начинает использовать опыт как эмпирический материал для анализа, по праву должен считаться создателем эмпирической психологии в точном смысле этого слова.

Для большей точности заметим, что Вундт понятие души не отрицал и даже использовал в своих построениях за рамками физиологической психологии, но свою роль это понятие утратило. Хочется подчеркнуть, что отказ от «души» был результатом самоопределения психологов. Никакого внешнего, или идеологического давления первоначально не было. Сами психологи посчитали, что так будет удобнее. И их можно понять: успехи естественной науки вызвали у психологов чувство сродни зависти. Они захотели быть «как все» (представители естественных наук). Душа есть единственный и неизменный подлинный предмет психологии с древних времен и до наших дней. И по-видимому, таковой она и должна оставаться, особенно учитывая, что предмет имеет сложную структуру [17, 16]. Как

можно полагать, душа должна оставаться «недостижимым» (по крайней мере в настоящее время) идеалом психологии, ибо это предмет психологии во всей его сложности и полноте. Для души отсутствуют в настоящее время адекватные моделирующие представления (во всяком случае такие, которые выдерживали бы критику). И правы те, кто настаивает на том, что есть дух, наличие которого в структуре души несомненно [16].

Мы полагаем, что в стремлении стать независимой наукой были введены дополнительные ограничения, которые существенно обеднили рождающуюся психологию. Выделение психологии было во многом декларативным, преждевременным и неподготовленным. Платой за провозглашение психологии научной, самостоятельной и независимой явилась целая цепь неоправданных ограничений, которые мешали и мешают нормальному развитию психологии.

Таким образом, кризис на самом глубоком уровне заложен конструктивно и не преодолен до сих пор. Ниже будут приведены рассуждения классиков отечественной психологии С. Л. Рубинштейна и М. С. Роговина, согласно которым становление психологии есть длительный процесс, включающий различные этапы. Это и есть процесс ликвидации конструктивных дефектов.

В конце этой статьи будет предложена новый вариант трактовки самого понятия «кризис». Забегая вперед, отметим, что, на наш взгляд, более удачной является трактовка кризиса как суда, основанная на другом значении слова «кризис». Таким образом, кризис психологии превращается в суд над психологией, то есть выявление и обсуждение методологических оснований психологии, чем методология на протяжении последних полутора столетий и занимается, периодически обнаруживая кризисы в развитии психологической науки.

Полагаем, что кризис нельзя рассматривать как простое явление, уплощенно. Было показано, что кризис в психологии целесообразно рассматривать как многоуровневый. С нашей точки зрения, необходим уровневый подход к проблеме кризиса психологии. Полезно выделение трех основных уровней. Это позволяет удовлетворительно решить вопрос о том, является кризис перманентным или локальным, потому что, на наш взгляд, справедливы оба заключения – речь при этом идет о разных уровнях.

По нашему мнению, глубинный кризис научной психологии существует с момента ее возникновения, он не преодолен до сих пор. Первым, кто зафиксировал кризис еще в 1874 г., как уже упоминалось, был Франц Brentano.

Можно выделить следующие уровни кризиса психологии.

Первый – поверхностный. Этот уровень отражает закономерности любого развития, включающего в себя, как хорошо известно, и литические и критические этапы. Кризис на этом уровне – нормальный, естественный этап в развитии любого подхода, направления, «локальный» кризис, который и возникает, и преодолевается относительно легко.

Второй уровень – уровень «основных парадигм». Еще Вундт – создатель научной психологии – заметил в «Основах физиологической психологии», что психология «занимает среднее место между естественными и гуманитарными науками». Итог психологии в XX столетии может быть уподоблен движению «маятника»: периодические обострения кризиса – не что иное, как разочарование в возможностях свести всю психологию к ее «половине» (естественно-научной или герменевтической). Иными словами, когда для части научного сообщества становится очевидной несостоятельность очередной попытки решить вопрос о целостности психологии ценой «логического империализма» той или другой из двух полунаук (по изящному выражению Л. Гараи и М. Кечке), возникает впечатление, что психология вновь в кризисе.

И наконец, третий, самый глубокий уровень, связан с ограниченным пониманием самого предмета психологии. На этом уровне кризис не преодолен до сих пор (со времен В. Вундта, Ф. Brentano и В. Дильтея). Истоки кризиса, на наш взгляд, можно обнаружить в трудах ученых середины XIX столетия, которые обеспечили психологии статус самостоятельной науки. Обстоятельства выделения были таковы, что ценой, которую психология заплатила за свою научность и самостоятельность, стало ограниченное понимание ее предмета. С одной стороны, сказалось противопоставление физиологии (в результате психическое утратило «энергетические» определения), с другой – разделение психики на «высшую» и «низшую» лишило ее неразрывной связи с миром культуры (в результате психическое в значительной степени утратило характеристики «духовного»). Перманентным (не преодоленным до сих пор) он является на третьем, глубинном уровне (связанном с пониманием предмета психологии) [18, с. 207].

Дальше в рамках настоящей статьи речь будет идти исключительно про глубинный уровень кризиса, существующий уже почти полтора столетия.

Что свидетельствует о том, что кризис с тех пор не преодолен? Приведем несколько аргументов:

– Психология пока не стала самостоятельной наукой. Вундт заявил о том, что физиологическая психология стала самостоятельной наукой, независимой

от философии в 1870-е гг. Признание независимости и самостоятельности психологии современниками В. Вундта было лишь авансом, так как хорошо были видны конструктивные недостатки его системы физиологической психологии. Это хорошо известно, не будем здесь приводить подробности [17], но отметим авторитетное свидетельство С. Л. Рубинштейна. Он подчеркивал, что становление новой психологической науки «не может быть стянуто в одну точку»: «Это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVI–XVII вв. или переломному периоду от XVII к XVIII в., который выделил Энгельс для всей истории науки; вторая – ко времени оформления экспериментальной физиологической психологии в середине XIX столетия; третья – к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией» [22, с. 77]. Как нам представляется, ключевым моментом в данном высказывании – глубоком и верном – является следующее: «когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией». Необходимо признать: третья «вершинная точка» еще не достигнута. Следовательно, реляции о научной и самостоятельной психологии были несколько преждевременными. Как нам уже приходилось писать, феномен нетерпения в психологии наблюдается довольно часто. При высокой мотивации хочется достичь всего и сразу. Впрочем, шулки в сторону. Итак, психология пока что не то, за что себя выдает.

Таким образом, задачи – если психология желает продолжать двигаться по этому пути – перед психологией, согласно С. Л. Рубинштейну, встают следующие: 1. Оформить систему психологии. 2. Разработать совершенные методики исследования. 3. Создать научную методологию психологии – полезно знать, какие задачи стоят перед этой научной дисциплиной. Можно смело заключить, что в данных направлениях многое делается. В рамках этого текста, разумеется, нет возможности предпринять обзор достигнутого за прошедшие десятилетия. Именно эти задачи, в первую очередь, пытался решить в своей эпохальной работе «Основы общей психологии» (1940, 1946) сам С. Л. Рубинштейн. Не случайно эта книга за прошедшие десятилетия не только не утратила своего значения и популярности, но и получила статус фундаментального исследования. Но в полном объеме эти задачи до сих пор не решены. И они не могут быть решены, пока не будет достигнуто обязательное предварительное условие. Это условие состоит в том, что в научной пси-

хологии – как она себя позиционировала – предмет был задан слишком узко. Иными словами, в психологии представлена неадекватная трактовка предмета.

Прочитываем другого авторитетного специалиста – М. С. Роговина. Он пишет в докторской диссертации (обратим внимание, это уже 1968 год): «Совершенно несомненно, что в наши дни психология переживает период бурного развития, как экстенсивного, так и интенсивного. Налицо все большее преобладание тонкого лабораторного эксперимента, использование математически выверенных методов обработки этих экспериментов. Такая тенденция, несомненно, прогрессивна в своей основе, ибо нет и не может быть иного пути превращения в действительно научную дисциплину того пестрого конгломерата отдельных фактов, наблюдений и умозрительных теорий, который представляла традиционная психология». По Роговину, процесс этот пока далеко не завершен: психология еще не стала «действительно научной дисциплиной», хотя уже, вероятно, не «пестрый конгломерат»... Автор диссертации предупреждает: «Основная опасность заключается в том, что разрываются внутренние связи между отдельными областями психологии, утрачивается единство предмета и его понимания». Дорогой читатель, не напоминает ли это классические симптомы кризиса психологии? Только тогда психология была еще «на подъеме», такие тенденции видны были только очень наблюдательным специалистам, проницательности и прозорливости которых не мешал общий энтузиазм, вызванный прогрессом психологии, засвидетельствованным XVIII Международным психологическим конгрессом в августе 1968 г. в Москве.

И обратим внимание еще на один момент. Все, о чем было написано выше, имеет самое непосредственное отношение к мировой психологии. Правда, мировая психология об этом, судя по всему, не догадывается. Это проблема, тем не менее, интернациональная. Тот факт, что в различных проектах перестройки психологии в век глобализации [6-8, 14-15] об этом не говорится вообще, свидетельствует только о большей методологической беспечности и отсутствии склонности размышлять о кризисе.

О том, что психология до сих пор не стала полноценной самостоятельной наукой, свидетельствует и то, что в настоящее время не определен ее статус. Как известно, согласно классификациям Б. М. Кедрова и Ж. Пиаже, психология занимала особое место среди других наук. В настоящее время ее почему-то относят к социогуманитарным наукам, хотя не ясно, какова аргументация и обоснование [16].

О том же свидетельствует недостаточный интерес психологов к фундаментальным методологическим проблемам психологии. В первую очередь, это отно-

сится к проблеме предмета психологической науки [15-17].

Неопределенность статуса психологии в совокупности с недостаточным вниманием к исследованиям предмета психологической науки, по сути, закрывает дорогу к организации эффективных междисциплинарных исследований. Между тем для психологии это жизненно важно, так как, согласно исследованиям А. Л. Журавлева, междисциплинарность в психологии неизбежна, принципиально междисциплинарными, по сути, являются попытки понять природу психического [9, 17].

Об этом же свидетельствует и недостаточное внимание к проблеме объяснения в психологии. В психологии отсутствует в настоящее время сколь-нибудь приемлемая теория объяснения, доминирует представление о том, что объяснение должно быть причинно-следственным. В результате в психологических исследованиях реально используется лишь интерпретация, но не объяснение как таковое [17, 14].

В современной психологии оказались разорванными необходимые связи между составляющими психологического знания, о чем предупреждал в 1968 г. М. С. Роговин. Мы уже приводили эту цитату, напомним – «разрываются внутренние связи между отдельными областями психологии, утрачивается единство предмета и его понимания». Подчеркнем, что особенно страдают необходимые связи между философской психологией, научной и практико-ориентированной [17, 21]:

– Необходим теоретический анализ предмета. В первую очередь, он предполагает выявление функций, которые должен выполнять этот конструкт в структуре психологического знания и, соответственно, характеристики предмета [16, 14, 17].

– До тех пор, пока мы не понимаем сущности психологического фактора, необходимо использовать понятие «совокупный предмет». Помня о закономерностях понимания психических феноменов, стоит отдавать себе отчет в том, что при поиске «клеточек» или единиц предмета, мы неизбежно порождаем неадекватные модели. При использовании совокупного предмета мы получаем возможность использовать нередуктивные способы объяснения. Возможно, тогда результаты психологических экспериментов будут получать адекватное нередуктивное объяснение [17, 16].

– Вполне возможно, что для построения междисциплинарного предмета психологии понадобится методологический опыт М. М. Бахтина, идеи многоголосия, полифонизма и диалога [16].

– Очень важно, как представляется, хорошо понимать, что современная психология нефинальна, чрез-

вычайно далека от своего более или менее законченного состояния. Нет сомнений, что в ближайшие десятилетия она изменится весьма существенно [17, 24].

– Процесс становления психологии подлинной наукой идет крайне медленно. Это понятно, так как основным механизмом является стихийная интеграция. Направленная интеграция, коммуникативная методология практически не используются. Процесс становления не направляется, не координируется. Эти функции вполне могли бы выполняться философией психологии, но эта сфера психологии практически пока не сформирована и поэтому не функционирует [17].

– Необходимая работа по упорядочению и систематизации психологического знания в сколь-нибудь широких масштабах и не планируется и не проводится. Вместе с тем в содержании современного психологического знания имеется достаточное количество мифов. Это означает, что многие выводы строятся не на результатах анализа проведенных исследований, а на данных рассуждений или просто предполагаемых, вымышленных ситуациях. Неплохо было бы очистить содержание науки от посторонних данных. Проводя инвентаризацию данных, полезно было бы обращать внимание скорее на сходства, совпадения, нежели на расхождения и различия. Это способствовало бы в значительной степени реализации интегративных тенденций в психологии.

Можно полагать, сказано достаточно. Не подлежит сомнению, что список моментов, свидетельствующих о внутреннем глубинном неблагополучии современной психологии, может быть расширен и продолжен. Важно, что отмеченные «нестыковки» и «недоработки» обычно и интерпретируются как частные и конкретные проявления методологического кризиса. Как становится ясно из рассмотрения материала, центральным звеном в этом клубке нерешенных современной психологией методологических вопросов является проблема предмета психологической науки. Как говорил один из не слишком популярных сегодня отечественных философов, которого мы уже вспоминали в тексте настоящей статьи, это «главное звено в цепи событий». Начинать работу по разрешению кризиса психологии стоит именно с него.

И в заключение коснемся еще одного значимого для темы настоящей статьи момента. Речь идет о метафоре кризиса. Как мы уже видели, в силу ряда причин, в нашей психологии в трактовке собственно кризиса возобладала биологическая или акушерская ориентация – кризис как болезнь или роды...

Мы предлагаем другую версию трактовки самого термина «кризис». Джорджо Агамбен, современный итальянский философ, в работе «Пилат и Иисус» обосновал новую трактовку слова «кризис» применительно

«Суд по-гречески – *krisis* (от слова *krino*, означающего, если исходить из этимологии, «разделять, разрешать»). Помимо юридической составляющей, в этом термине также сходятся медицинское значение (*krisis* как решающий момент в развитии болезни, когда врач должен «рассудить», выживет ли больной или умрет) и теологическое значение (Страшный суд: *en emeraí kriseos*, «в Судный день» – это предостережение несколько раз слетает с уст Иисуса в Посланиях Павла: *en emeraí ote cínēi*, «в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить», Рим. 2:16)» [1, с. 26].

Представляется, что трактовка кризиса как «суда» куда более уместна. В свое время, когда мы анализировали литературу по проблеме кризиса психологии в начале двадцатого столетия, ни один из нескольких десятков авторов (а многие предлагали по несколько вариантов диагноза в разное время – скажем, Л. С. Выготский предлагал четыре диагноза, А. Р. Лурия – тоже четыре) не пришел к выводу, что пациент «скорее мертв». Наоборот, в текстах сквозило, что кризис разрешится вот-вот, буквально в самое ближайшее время. Суд ничего подобного не обещает. Суд еще длится.

Как пишет Агамбен, «Именно мир событий должен судить мир правды, брэнное царство должно выносить приговор царству Вечному. И потому особенно важно досконально рассмотреть летописи этого решающего столкновения, этого исторического *krisis*, который в каком-то смысле все еще продолжается» [1, с. 28].

В этом случае использование термина кризис никого не обижает и не задевает. Мы пытаемся выяснить подлинные возможности психологии и найти шаги к увеличению ее могущества как фундаментальной науки. Суд должен помочь понять, что нужно делать, в том числе и сегодня.

Но вообще-то возможен еще один вариант трактовки кризиса. Он также основан на этимологии этого слова. Получилось так, что прошедшие почти полтора столетия в значительной степени насытили рассуждения о психологии самыми разными эмоциями. А. В. Юревич, на наш взгляд, очень удачно назвал этот феномен «методологическими эмоциями». Кому-то кризис в традиционном его понимании кажется слишком сильным выражением, сильно сгущающим краски. Кому-то представляется, что слово кризис (опять же, в традиционном понимании) негативно влияет на образ психологии в глазах общественности. К сожалению, точными данными мы не располагаем. Социология психологии (заметим в скобках, что многолетние призывы А. В. Юревича к созданию в нашей науке социологии психологии, развертыванию исследования в этой сфере пока не привели к ощутимо значимым результатам) не располагает данными, какая часть психологи-

ческого сообщества считает, что кризис есть, какая, что его нет и т. д. Нельзя не отметить, что наличие таких данных (как и других) существенно изменило бы ситуацию в науке, сделав прогнозы развития психологии куда более точными... Однако, вернемся к обсуждению возможных значений этого древнегреческого слова. Заглянув в интернет, находим следующую информацию. «Считается, что в русском языке слово заимствовано, возможно из немецкого языка. Оно появилось в русском языке в первой половине XVIII в. Немецкое *krisis* – кризис, греч. *krisis* – переломный момент, поворотный пункт, исход, кризис. Дословно греческое *krinein* решать от *krino* – разделять, просеивать, отсеивать, определять, судить. Просеивать, отсеивать – значит очищать. Словарь Вебстера относит нас к немецкому *rein* английскому *pure* очищенный. Индоевропейские истоки *punāti he cleanses*, он чистит, очищается, искупает вину. Поэтому возможен, и в этимологических словарях приводится такой смысловый аспект первичного значения слова кризис как новый, свежий. В данном контексте кризис – это очищение, отказ от старого и формирование нового [9]. И, как утверждает только что цитированный словарь, «кризисы – это признак жизни, только у мертвых нет кризисов. Кризис – это не грянувшее зло, кризис – это неизбежный этап для отбрасывания плохого и приобретения нового хорошего. Хотите развития к лучшему – готовьтесь к кризисам. Не любите кризисы? Тогда оставайтесь в прошлом, где вам самое место» [9]. В каждой шутке, как хорошо известно, есть доля шутки...

Поэтому, возможно, тем, кому не нравится сложившееся традиционное понимание и трактовка кризиса, может быть, придется по душе более мягкая, нейтральная, можно сказать, экологическая трактовка кризиса как *очищения и отказа от старого, отжившего*.

Аристотель писал, начиная трактат «О душе»: «Признавая познание делом прекрасным и достойным, но ставя одно знание выше другого либо по степени совершенства, либо потому, что оно знание о более возвышенном и удивительном, было бы правильно по той и другой причине отвести исследованию о душе одно из первых мест. Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы» [3, с. 371]. И, заметим, он не имел иллюзий, что все будет получаться гладко и быстро, ибо несколькими строками ниже заметил: «Добиться о душе чего-нибудь достоверного во всех отношениях и безусловно труднее всего» [3, с. 371].

Библиографический список

1. Агамбен, Дж. Пилат и Иисус [Текст] / Дж. Агамбен ; пер. с итал. М. Лепиловой ; послесл. А. Скидана. – М. : Grundrisse, 2014. – 126 с.

2. Алексеев, Н. Г. О психологических методах изучения творчества [Текст] / Н. Г. Алексеев, Э. Г. Юдин // Проблемы научного творчества в современной психологии / под ред. М. Г. Ярошевского. – М.: Наука, 1971. – С. 151-203.
3. Аристотель. Сочинения : в 4 т. – Т. 1 [Текст] / Аристотель. – М.: Мысль, 1975. – 550 с.
4. Brentano, F. Избранные работы [Текст] / Ф. Brentano. – М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1996. – 176 с.
5. Выготский, Л. С. Собрание сочинений [Текст] / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1. – 488 с.
6. Журавлев, А. Л. Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. [Текст] / А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик, А. В. Юревич // Психологический журнал. – 2016. – Том 37. – № 5. – С. 55-74.
7. Журавлев, А. Л. Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы [Текст] / А. Л. Журавлев, И. А. Мироненко, А. В. Юревич // Психологический журнал. – 2018. – № 2. – С. 57-70.
8. Журавлев, А. Л. Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе [Текст] / А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик, А. В. Юревич // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. – М.: Институт психологии РАН, 2018. – С. 698-713.
9. Журавлев, А. Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии [Текст] / А. Л. Журавлев // Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. – М.: ИПРАН, 2007. – С. 15-32.
10. Иванов П. Н. Артикаль «the» или образование без идеологии [Текст] / П. Н. Иванов // Взаимодействие академической и практико-ориентированной психологии в сфере образования: материалы II Национальной научно-практической конференции с международным участием / под науч. ред. проф. В. А. Мазилова. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. – С. 20-22.
11. Кризис [Электронный ресурс] // Экономический словарь. – URL: <http://dictionary-economics.ru/word/> (дата обращения 22.07.2015)
12. Ланге, Н. Н. Психический мир: Избранные психологические труды [Текст] / Н. Н. Ланге; под ред. М. Г. Ярошевского. – М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «Модэк», 1996. – 368 с.
13. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений [Текст] / В. И. Ленин. – Т. 18. – М., 1968. – 526 с.
14. Мазилев, В. А. Психология: взгляд в будущее [Текст] / В. А. Мазилев // Психологический журнал. – Т. 38. – 2017. – № 5. – С. 97-102.
15. Мазилев, В. А. Прогресс на фоне кризиса [Текст] / В. А. Мазилев // Вопросы психологии. – 2017. – № 6. – С. 107-116.
16. Мазилев, В. А. De anima: Предмет психологии и границы его постижения [Текст] / В. А. Мазилев // Высшее образование сегодня. – 2019. – № 6. – С. 60-70.
17. Мазилев, В. А. Методология психологической науки: история и современность [Текст] / В. А. Мазилев. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. – 419 с.
18. Мазилев, В. А. Кризис психологии: существовала ли Троя? [Текст] / В. А. Мазилев // Международная научная школа «Парадигма». Лято-2015 : в 8 т. – Т. 4: Психология: сборник научных статей / под ред. А. В. Берлов, Л. Ф. Чупров. – Варна: ЦНИИ «Парадигма», 2015. – С. 194-211.
19. Мазилев, В. А. Кризис научной психологии: XXI век [Текст] / В. А. Мазилев // Проблемы педагогики и психологии: Научное периодическое издание межвузовского консорциума (Армения). – 2015. – № 3. – С. 138-152.
20. Мазилев, В. А. Кризис психологии: троянские мотивы [Текст] / В. А. Мазилев // Философия и/или новое интегративное знание – 4: материалы Всероссийской научной конференции (Ярославль, май 2015 года) / под ред. А. В. Азова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2015. – 247 с. – С. 76-97.
21. Мазилев, В. А. Кризис в психологии: конструктивная роль [Текст] / В. А. Мазилев // Актуальні проблеми психології: збірник наукових праць Інституту психології імені Г. С. Костюка НАПН України. – К.: Фенікс, 2016. – Т. XII. Психологія творчості. – Випуск 22. – 364 с. – С. 168-184.
22. Рубинштейн С. Л. Философские корни экспериментальной психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн // Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1973.
23. Фрит, К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир [Текст] / Крис Фрит; пер. с англ. П. Петрова. – М.: Астрель: CORPUS, 2010. – 335, [1] с.
24. Шадриков, В. Д., Мазилев, В. А. Общая психология [Текст]: учебник для академического бакалавриата / В. Д. Шадриков, В. А. Мазилев. – М.: Юрайт, 2015. – 411 с.
25. Шадриков В. Д. Внутренний мир человека. [Текст] / В. Д. Шадриков. – М., 2006. – 386 с.
26. Canadian Code of Ethics for Psychologists // Canadian Psychological Association, 2000.
27. Chapin, S. Seeing the Spectrum: a new history of autism // The New Yorker. – 2016. – Jan. 25. – P. 65-69.
28. Ethical Principles of Psychologists and Code of Conduct // American Psychological Association, 2003.
29. Jung K. G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung für die Psychologie // Ges. Werke. Bd. 8, 1967, S. 418-423.
30. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874. XII, 870 S.

Reference List

1. Agamben, Dzh. Pilat i Iisus = Pilat and Jesus [Tekst] / Dzh. Agamben; per. s ital. M. Lepilovoj; poslesl. A. Skidana. – М.: Grundrisse, 2014. – 126 s.
2. Alekseev, N. G. O psihologicheskikh metodah izuchenija tvorcestva = About psychological methods of creativity studying [Tekst] / N. G. Alekseev, Je. G. Judin // Problemy nauchnogo tvorcestva v sovremennoj psihologii / pod red. M. G. Jaroshevskogo. – М.: Nauka, 1971. – S. 151-203.
3. Aristotel'. Sochinenija : v 4 t. – Т. 1 = Aristotle. Compositions: in 4 v. – V. 1 [Tekst] / Aristotel'. – М.: Mysl', 1975. – 550 s.
4. Brentano, F. Izbrannye raboty = Selected works [Tekst] / F. Brentano. – М.: Dom intellektual'noj knigi; Russkoe fenomenologicheskoe obshhestvo, 1996. – 176 s.
5. Vygotskij, L. S. Sobraenie sochinenij = Complete works [Tekst] / L. S. Vygotskij. – М.: Pedagogika, 1982. – Т. 1. – 488 s.
6. Zhuravlev, A. L. Prognoz razvitija psihologicheskoi nauki i praktiki k 2030 g. = The forecast of psychological science and practice development by 2030 [Tekst] / A. L. Zhuravlev, T. A. Nestik, A. V. Jurevich // Psihologicheskij zhurnal. – 2016. – Tom 37. – № 5. – S. 55-74.
7. Zhuravlev, A. L. Psihologicheskaja nauka v global'nom mire: vyzovy i perspektivy = Psychological science in the global

world: challenges and prospects [Tekst] / A. L. Zhuravlev, I. A. Mironenko, A. V. Jurevich // Psihologicheskij zhurnal. – 2018. – № 2. – S. 57-70.

8. Zhuravlev, A. L. Global'nye vyzovy i budushhee psihologii: razvitie psihologicheskoy nauki i praktiki v cifrovom obshhestve = Global challenges and future of psychology: development of psychological science and practice in digital society [Tekst] / A. L. Zhuravlev, T. A. Nestik, A. V. Jurevich // Psihologicheskoe znanie: Sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya / pod red. A. L. Zhuravleva, A. V. Jurevicha. – M. : Institut psihologii RAN, 2018. – S. 698-713.

9. Zhuravlev A. L. Osobennosti mezhdisciplinarnykh issledovanij v sovremennoj psihologii = Features of cross-disciplinary researches in modern psychology [Tekst] / A. L. Zhuravlev // Teorija i metodologija psihologii: postneklasicheskaja perspektiva / pod red. A. L. Zhuravleva, A. V. Jurevicha. – M. : IPRAN, 2007. – S. 15-32.

10. Ivanov P. N. Artiki' «the» ili obrazovanie bez ideologii = The Article «the» or education without ideology [Tekst] / P. N. Ivanov // Vzaimodejstvie akademicheskoy i praktiko-orientirovannoj psihologii v sfere obrazovaniya : materialy II Nacional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem / pod nauch. red. prof. V. A. Mazilova. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. – S. 20-22.

11. Krizis = Crisis [Jelektronnyj resurs] // Jekonomicheskij slovar'. – URL: <http://dictionary-economics.ru/word/> (data obrashhenija 22.07.2015)

12. Lange, N. N. Psihicheskij mir: Izbrannye psihologicheskie trudy = Mental world: Selected psychological works [Tekst] / N. N. Lange / pod red. M. G. Jaroshevskogo. – M. : Institut prakticheskoy psihologii, Voronezh : NPO «Modjek», 1996. – 368 s.

13. Lenin, V. I. Polnoe sobranie sochinenij = Complete set of works [Tekst] / V. I. Lenin. – T. 18. – M., 1968. – 526 s.

14. Mazilov, V. A. Psihologija: vzgljad v budushhee Psychology: prospection [Tekst] / V. A. Mazilov // Psihologicheskij zhurnal. – T. 38. – 2017. – № 5. – S. 97-102.

15. Mazilov, V. A. Progress na fone krizisa = Progress against the background of crisis [Tekst] / V. A. Mazilov // Vo-prosy psihologii. – 2017. – № 6. – S. 107-116.

16. Mazilov, V. A. De anima: Predmet psihologii i granicy ego postizhenija = De anima: Subject of psychology and border of its comprehension [Tekst] / V. A. Mazilov // Vysshee obrazovanie segodnja. – 2019. – № 6. – S. 60-70.

17. Mazilov, V. A. Metodologija psihologicheskoy nauki: istorija i sovremennost' = Methodology of psychological science: history and present [Tekst] / V. A. Mazilov. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. – 419 c.

18. Mazilov, V. A. Krizis psihologii: sushhestvovala li Troja? = Crisis of psychology: was there Troy? [Tekst] / V. A. Mazilov // Mezhdunarodna nauchna shkola «Paradigma». Ljato-2015 : v 8 t. – T. 4: Psihologija: sbornik nauchni statii / pod red. A. V. Berlov, L. F. Chuprov. – Varna : CNII «Paradigma», 2015. – S. 194-211.

19. Mazilov, V. A. Krizis nauchnoj psihologii: XXI vek = Crisis of scientific psychology: the XXI century [Tekst] / V. A. Mazilov // Problemy pedagogiki i psihologii: Nauchnoe periodicheskoe izdanie mezhdvuzovskogo konsorciuma (Armenija). – 2015. – № 3. – S. 138-152.

20. Mazilov, V. A. Krizis psihologii: trojanskije motivy = Crisis of psychology: Trojan motives [Tekst] / V. A. Mazilov // Filosofija i/ili novoe integrativnoe znanie – 4 : materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Jaroslavl', maj 2015 goda) / pod red. A. V. Azova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2015. – 247 s. – S. 76-97.

21. Mazilov, V. A. Krizis v psihologii: konstruktivnaja rol' = Crisis in psychology: a constructive role [Tekst] / V. A. Mazilov // Aktual'ni problemi psihologii : zbirnik naukovih prac' Institutu psihologii imeni G. S. Kostjuka NAPN Ukraïni. – K. : Feniks, 2016. – T. III. Psihologija tvorčnosti. – Vipusk 22. – 364 s. – S. 168-184.

22. Rubinshtejn S. L. Filosofskie korni jeksperimental'noj psihologii = Philosophical roots of experimental psychology [Tekst] / S. L. Rubinshtejn // Rubinshtejn S. L. Problemy obshhej psihologii. – M. : Pedagogika, 1973.

23. Frit, K. Mozg i dusha: Kak nervnaja dejatel'nost' formiruet nash vnutrennij mir = Brain and soul: how nervous activity forms our inner world [Tekst] / Kris Frit ; per. s angl. P. Petrova. – M. : Astrel' : CORPUS, 2010. – 335, [1] s.

24. Shadrikov, V. D., Mazilov, V. A. Obshhaja psihologija = General psychology [Tekst] : uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata / V. D. Shadrikov, V. A. Mazilov. – M. : Jurajt, 2015. – 411 s.

25. Shadrikov V. D. Vnutrennij mir cheloveka = Man's inner world [Tekst] / V. D. Shadrikov. – M., 2006. – 386 s.

26. Canadian Code of Ethics for Psychologists // Canadian Psychological Association, 2000.

27. Chapin, S. Seeing the Spectrum: a new history of autism // The New Yorker. – 2016. – Jan. 25. – P. 65-69.

28. Ethical Principles of Psychologists and Code of Conduct // American Psychological Association, 2003.

29. Jung K. G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung für die Psychologie // Ges. Werke. Bd. 8, 1967, S. 418-423.

30. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874. XII, 870 S.